Сулимов Станислав Игоревич, Черенков Роман Александрович

АНТРОПОГЕННЫЕ РЕЛИГИИ

В данной статье рассматриваются попытки создания религии государственными властями, исходя из политических интересов. Анализируя исторический материал (религиозная реформа фараона Эхнатона, создание языческой "церкви" императором Юлианом Отступником и культ Верховного Существа в революционной Франции), авторы приходят к выводу, что религии, создаваемые светскими властями, обречены на быстрое угасание, как только исчезает государственная поддержка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 183-186. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.3

В данной статье рассматриваются попытки создания религии государственными властями, исходя из политических интересов. Анализируя исторический материал (религиозная реформа фараона Эхнатона, создание языческой «церкви» императором Юлианом Отступником и культ Верховного Существа в революционной Франции), авторы приходят к выводу, что религии, создаваемые светскими властями, обречены на быстрое угасание, как только исчезает государственная поддержка.

Ключевые слова и фразы: антропогенная религия; Церковь; абсолют; культ; религиозная реформа.

Станислав Игоревич Сулимов
Кафедра философии
Воронежский государственный университет инженерных технологий
sta-sulimov@ya.ru

Роман Александрович Черенков, к.и.н.
Кафедра истории политологии
Воронежский государственный университет инженерных технологий
marselles2006@mail.ru

АНТРОПОГЕННЫЕ РЕЛИГИИ©

В последние два десятилетия в ходе трансформации российского общества нередки призывы реформировать Церковь или даже отказаться от православия в пользу какой-либо другой религии. Среди сторонников подобных перемен находятся и такие, которые рекомендуют не выбирать другую модель религиозной доктрины и институтов из тех, что имеются в других культурах, а *создать новую религию*. Обычно подобные требования аргументируются тем, что религия должна отвечать интересам общества, а вместо этого она духовно сковывает своих адептов далёкими от жизни догматами и отвлекает от практических действий по улучшению материального бытия. В наши дни некоторые авторы социально-философской публицистики полагают, что религия должна способствовать решению политических и социальных проблем общества, но никак не отвлекать людей от их действительных задач (обвинение, не новое с дней Л. Фейербаха). По мнению этих авторов, для улучшения социально-экономической и политической жизни России необходимо создать такую религиозную систему, вся сущность которой, от догматики до религиозных институтов, была бы направлена на воспитание в человеке качеств, необходимых для улучшения общественной жизни. Оставим в стороне вопрос о том, какие это качества. Но зададимся другим вопросом: в состоянии ли человек создавать религии по своему только желанию, ориентируясь только на свои нужды и руководствуясь только своими представлениями?

История знает ряд примеров, когда одна из сторон политического конфликта использовала ту или иную религию в качестве орудия для своих демаршей. В ряде случаев государственные власти, борясь с такими противниками, предпринимали религиозные реформы, а иногда пытались создать действительно новые, оригинальные религии, которые затем и использовали в противостоянии со своими оппонентами, которые оказывались вольно или невольно сторонниками старой, уже отменённой религии и тем самым лишались монополии на святость и истину. Этот приём создания «контр-религии» применялся в истории, по крайней мере, трижды: египетским фараоном Эхнатоном в его борьбе со жречеством; реформа языческих религиозных институтов, проведённая римским императором Юлианом Отступником в его противостоянии с христианской Церковью; и созданный французскими якобинцами в противовес католицизму культ Верховного Существа (отождествляемый по многим параметрам с культом Разума).

Религия представляет собой связь человека с абсолютом, и область её познания может быть выражена в трёх вопросах.

1. Существует ли абсолют?
2. Познаваем ли он (а если да, то как)?
3. Как к нему практически относиться?

Под абсолютом в современной философии религии понимается следующее: «Абсолют (от лат. *absolutes* – безусловный, неограниченный, совершенный; *absolutum* – свободный, непривязанный, сам себе создающий место) – одна из предельно общих категорий, обозначающих всеобщую основу мира, полноту бытия и совершенство» [5, с. 38]. Поскольку речь идет об абсолюте, то нелепо было бы ожидать от религии акцентирования внимания на проблемах «мира сего». И, конечно же, любая религия настаивает на том, что связь с абсолютом двусторонняя, что абсолют обнаруживает себя при помощи Откровения или каким-то иным образом, таким образом, религиозная доктрина, в отличие от идеологии или философии, не является только лишь человеческим творчеством. Те религии, которые человек создаёт, что называется, на злобу дня, для решения каких-то мирских проблем, мы будем называть *антропогенными*, то есть созданными человеком. В противоположность антропогенным можно выделить *теогенные*, то есть созданные Богом или богами, религии, которые с материалистической точки зрения (авторы её не разделяют) представляют собой народные верования, овеянные давней традицией. В данном

© Сулимов С. И., Черенков Р. А., 2012

исследовании мы рассмотрим антропогенные религии на указанных выше примерах (реформа Эхнатона, реакция Юлиана Отступника и культ Верховного существа в революционной Франции) с целью выделить их особенности и проследить тенденции их развития и воздействия на духовную жизнь общества.

Религиозная реформа фараона Аменхотепа IV (1351-1334 гг. до н.э.) представляет собой знаменательное событие в истории Древнего Египта. Из многочисленных источников известно, что традиционной религией египтян был солярный политеизм. «Древняя религия Египта была, если говорить обобщенно, поклонением солнечным богам. Ра, Гор, Атум, Осирис – все были различными представлениями о боге солнца… один был солнце – податель жизни, другой – солнце, разгоняющее тьму, третий – солнце, умирающее сегодня и снова восходящее завтра. В одной местности люди предпочитали называть своего бога Ра, в другой – Гор, в третьей – Осирис. В разных храмах возникли разные обычаи и разные легенды, связанные каждая только с одной из форм солнечного божества» [6, с. 74]. В годы правления фараона-реформатора наибольшим влиянием обладал культ бога Амона-Ра, первоначально локального божества города Фивы, но усилившийся в ходе национально-освободительной войны против азиатского вторжения (нашествие гиксосов). Фивы были плацдармом и столицей для сражающихся фараонов, что после победы позволило городу стать столицей освобождённого Египта, а его местному божеству – покровителем страны. Культ, бывший знаменем оборонительной войны против азиатов, стал затем идейной основой для восточных походов более поздних фараонов. «Он (*Амон-Ра – авт.*) благословил национальное восстание и получил щедрые награды. Путь в Азию манил победоносных царей к завоеваниям. От богатой добычи Тутмоса и Аменхотепа Амон-Ра получил свою добрую долю. Значение Амона-Ра и его богатства быстро росли. С ним отождествляли других богов, например Мина и Хнума. Жрецы Амона стали значительной силой в государстве» [2, с. 96]. В Древнем Египте жречество играло роль едва ли не большую, чем в средневековой Европе католическое духовенство. Поэтому фараоны вскоре закономерно стали воспринимать служителей Амона-Ра в качестве соперников в управлении страной. Как мы видим из приведённой выше цитаты, культы других богов не могли конкурировать с Амоном, и поэтому в борьбе с его жрецами фараоны не смогли бы опереться на клир, к примеру, Осириса. С известной долей определённости можно сказать, что именно конфронтация со служителями Амона-Ра побудила фараона Аменхотепа IV на религиозную реформу.

Поскольку культ Амона не имел в духовной жизни Древнего Египта серьёзных конкурентов, то фараону оставалось только создать их с нуля. Запретить почитание столь популярного божества, не найдя замены, означало создать духовный вакуум, который мог оказаться для трона более опасным, чем могущественное жречество. Поэтому Аменхотеп IV создал новый культ, идеально годящийся для упрочнения царской власти и борьбы с политическими притязаниями клира. «Он ввёл поклонение солнцу как единственному богу и, следуя, вероятно, гелиопольскому учению, назвал этого бога Ра-Хармасис или, что бывало чаще, Этен… то есть солнечный диск» [6, с. 75]. Новое божество, Атон (некоторые исследователи именуют его Этен), изображалось в виде солнечного диска, лучи которого заканчиваются руками. Все остальные культы были строжайше запрещены фараоном. В своих гонениях он дошёл до того, что уничтожил все надписи, содержащие имена других богов. И это не простой акт вандализма: египетская магическая традиция тесно связывала существо с его именем. Уничтожить имя бога или человека означало уничтожить его самого. Неслучайно в древнеегипетских междоусобицах, связанных с престолонаследием, победители часто приказывали стереть надписи с именами побеждённых. Таким образом, Аменхотеп IV не просто запретил поклонение старым божествам, но и символически убил их. Иными словами, борясь со жрецами, царь расправился и с их небесными покровителями. Поощряя отход от старых богов, Аменхотеп даже сменил своё имя на Эхнатон, то есть если раньше он был «угоден Амону», то теперь стал «угоден Атону». Стремясь отмежеваться от жречества даже территориально, Эхнатон построил новую столицу, «Горизонт Солнечного Диска» (близ современного Эль-Амарна), куда и перебрался вместе с семьёй и двором. Мы никогда не узнаем, в какой форме клир оказывал сопротивление данной политике, но ясно одно: вводя новый культ, фараон укреплял этим свою единоличную власть. Ведь в Древнем Египте царь считался сыном солнца, то есть, по меньшей мере, полубогом. Будучи одновременно сыном бога и его главным служителем, Эхнатон тем самым устранял любых конкурентов из среды духовенства. Неслучайно его ближайшими сподвижниками в реформе были представители военной аристократии (Эйе, Хоремхеб, поочерёдно занимавшие престол после смерти фараона), противостоявшей в Древнем Египте жречеству.

Анализируя религиозно-реформаторскую деятельность Эхнатона, нельзя не остановить внимание на роли его главной жены Нефертити, новым именем которой стало Нефер-нефру-Атон, что в переводе звучит как «Прекрасна красота Атона». Более того, все важные государственные деятели той эпохи также получили новые имена. Скорее всего, в обыденном сознании внешняя сторона реформ ассоциировалась именно с именем супруги, а изображение Нефертити стало шедевром портретной скульптуры. Таким образом, реформы Эхнатона, безусловно, позволили ослабить экономическую и политическую самостоятельность храмовых институтов (номов), но заложить идеологическую основу Нового царства они так и не смогли.

Каким же был итог этого смелого революционного начинания? Новая религия фактически умерла вместе со своим основателем. «Когда Эхнатон умер, престол занял сначала его зять Сменхкара, затем другой зять Эхнатона, Тутанхамон (первоначально Тутанхатон), а потом бывший начальник колесничного войска Эйе, который ранее был горячим приверженцем новой религии. Уже при Сменхкаре начался возврат к прежней религии, Тутанхамон его продолжил (в т.ч. сменил имя), а пришедший к власти главный военачальник Хоремхеб приказал удалить из всех надписей имена трёх предыдущих фараонов (заменив их собственным), энергично положил конец реформации и сровнял с землёй здания, построенные фараоном-еретиком» [Там же, с. 76-77]. Таким образом, созданный фараоном Аменхотепом IV культ, возможно, помог своему создателю решить ряд

проблем политического характера, но в духовной жизни общества не достиг даже равных прав с прежними богами. Неслучайно даже его приверженцы после смерти фараона вернулись к старой вере.

Менее революционно выглядела попытка реставрации язычества римским императором Юлианом (361-363 г. н.э.). Борясь с распространением христианства, начинавшим уже представлять собой общественную силу, император намеревался возродить языческую религию, чтобы противопоставить ее новым веяниям. Однако при этом Юлиан ориентировался не на сохранившиеся в его время остатки греко-римских культов (дионисийские мистерии, Дельфийский оракул, ауспиции), а пытался создать новое вероисповедание, объединив доктрину неоплатонической философии с христианской организацией религиозных институтов. Будучи в юности крещёным христианином и лишь в более поздние годы отойдя от этого, император был хорошо знаком с устройством церковной иерархии, которую и скопировал для созданного им культа. «Юлиан попытался создать языческую иерархию по образцу христианской. Во главе её были поставлены старшие жрецы, обязанные наблюдать за всеми остальными с правом отрешать от должности негодных членов иерархии. Жрецы должны были избираться не из богатых и знатных граждан, как обычно практиковалось, а из среды стойких борцов за язычество, преимущественно философов. Император постоянно обращался к жрецам с посланиями, в которых требовал от них вести нравственный образ жизни, часто молиться богам, не посещать театров, воздерживаться от чтения легкомысленных книг» [3, с. 807]. Подобное устройство клира было для римского мира новостью: античная религия никогда не располагала жреческим сословием, и тем более от жрецов не требовалось нравственной чистоты и умеренного образа жизни. Некоторые античные культы были экстатическими (дионисийские мистерии, культы Кибелы и Деметры), поэтому нововведение императора оказалось не реставрацией, а новаторством. Однако самым непривычным для адептов античного язычества стало провозглашение неоплатонизма религией. Греки и римляне состояли со своими божествами в отношениях по формуле «du ut des» («даю, чтобы ты дал»), и малопонятная для обывателя, умозрительная доктрина была им совершенно не близка. Традиционная же греко-римская религия, к этому времени проникнутая синкретическими мотивами и пребывающая в упадке, ничего не получила от религиозной реформы своего покровителя, кроме временной защиты от христианских нападок. Попытки Юлиана реанимировать некоторые её институты потерпели крах, так как руководящая идея античности (полис как часть Космоса) в это время уже отошла в далёкое прошлое, и городские культы влачили жалкое существование, да и то по инерции. Вот что ответил, к примеру, Дельфийский оракул чиновнику, присланному императором с предложением о сотрудничестве: «Передай кесарю, что уж давно великолепное здание лежит во прахе; Феб не имеет ни крова, ни прорицающего лавра, ни говорящего источника, потому что смолкла говорящая вода» [2, с. 453].

Нелегко представить, как могло бы развиваться созданное Юлианом вероучение, если бы не скорая гибель реформатора. Процарствовав всего два года, Юлиан погиб в сражении с персами. И, словно повторяя египетский сценарий, престол занял полководец Иовиан, немедленно положивший конец начинаниям своего предшественника. Античное язычество в своей простонародной форме продолжало существовать ещё некоторое время, но «философская» религия, созданная Юлианом, была буквально в одночасье сметена.

Следующей масштабной попыткой создания религии для решения политического вопроса мы считаем культ Верховного Существа, созданный якобинцами в ходе Великой французской революции. Перед лидером данной фракции М. Робеспьером стояли две важные политические задачи.

Во-первых, требовалось упорядочить проходящую под знамёнами разума антирелигиозную кампанию, которая могла в любой момент создать в стране духовный хаос в силу отсутствия внятной позитивной программы. Вот как описывает главенствовавшие в те дни настроения М. Я. Домнич: «6 ноября в Конвент явилась делегация народного общества в Меннеси, одетая в насмешку в церковные мантии, и потребовала декретировать, чтобы в их коммуне не было более кюре, чтобы церкви были отданы народному обществу, а вместо статуй святых Петра и Дени поставили статуи Марата и Лепеллетье (члена Конвента, убитого монархистами)» [1, с. 128]. В Париже проводились праздничные шествия с костюмированными представлениями в рамках культа Разума. В Бовэ прославляли некоего «вечного двигателя миров», в некоторых других местах доходило до неоязычества. Надлежало найти католицизму адекватную замену, но не создавая духовной пустоты, весьма вероятной при подобном религиозном плюрализме или атеизме, в основе которого лежал культ Разума.

Во-вторых, новые, революционные порядки не были освящены вековой традицией и религией, в отличие от королевской власти и дворянских привилегий. Поэтому Робеспьер решил не только упорядочить новоявленные антихристианские доктрины, носившие в основном ситуативный и местнический характер, но и создать социоцентрическую религию, которая содержала бы минимальное количеством догматов, не требовала бы больших затрат на своё содержание, но при этом консолидировала бы французское общество вокруг республиканских идеалов. Диктатор и его помощники провозгласили культ Верховного Существа, сотворившего мир, наблюдающего за людьми и, возможно, слитого с природой. Догматов в новой религии было всего два: существование непостижимого бога и бессмертие души. Подробно исследовавший этот культ А. Олар приводит фрагмент из «Катехизиса гражданина», сакрального документа новой религии: «Хочу жить и умереть добрым республиканцем, убеждённый, что Республика – единственное природой освящённое правление, ибо только она согласна с правами человека» [4, с. 216]. В честь нового божества устраивались пышные праздники, в которых участвовало большое количество народа. Любые другие революционные культы были незаметно оттеснены на периферию духовной жизни, а католическая церковь, хотя и не была официально запрещена, подверглась репрессиям. Единственным первосвященником этого бога Робеспьер провозгласил себя и даже публично обратился с молитвой к Верховному Существу, вольно или невольно во многом копируя поведение фараона Эхнатона. Но в отличие от религии, созданной египетским реформатором, революционный культ просуществовал очень короткое время. Сразу же после термидорианского переворота Верховное Существо

было забыто, а отголоски этого веяния окончательно искоренил в скором времени Наполеон, что позволяет провести аналогию с фиаско неоплатонической религии, уничтоженной полководцем Иовианом, и культом Атона, запрещённым военачальником Эйе.

Таким образом, в революционной Франции культ Верховного Существа утверждался властями в борьбе как с католицизмом, так и с рационалистическим культом Разума, за который выступали конкурирующие группировки во властных кругах (эбертисты). С идейной стороны культ Верховного Существа наследовал деизму и вольно или невольно был воспитан эпохой Просвещения и пытался удовлетворить и обслужить новые политические ценности (свобода, равенство, братство). С практической стороны гипертрофированность внешних форм выражения новой религии и абсолютизация ее догматов противоречили самой логике революционных преобразований, т.е. введение новой обязательной религии отрицало революционно-демократический принцип свободы совести. Культ Верховного Существа мог бы сохраниться во Франции как забавная праздничная традиция хотя бы и до наших дней, но только если бы якобинцы не объявили его государственной религией. На наш взгляд, именно эти противоречия не позволили утвердиться новой религии в качестве идеологической основы преобразований, которые впоследствии явились основой для построения и развития во Франции гражданского общества.

Итак, мы рассмотрели три религии, которые условились в начале исследования считать антропогенными, то есть созданными человеком для решения мирских (в нашем случае – политических) затруднений. При сравнительном анализе можно выделить ряд черт, которые роднят все три культа, невзирая на разделяющие их огромные временные промежутки. Во-первых, антропогенные религии родственны по своим задачам, которых у них при первом приближении насчитывается две: борьба с духовенством предшествовавшей религии и сакрализация новых порядков. И Аменхотеп IV, и Юлиан, и Робеспьер противостояли ортодоксальному клиру (первые два – как социальной группе, последний – как духовному противнику), а создание нового культа позволяло им подвести под преследования основание более весомое, нежели политические репрессии. Во-вторых, антропогенные религии роднит их происхождение: все они созданы отдельно взятым человеком, хотя бы и наделённым обширными полномочиями. И этот человек – не пророк, зовущий людей за грань земного мира, а политик, преследующий вполне мирские цели. Его решения воплощаются не учениками и последователями, а политическими функционерами, которые просто выполняют свою работу, вовсе не обязываясь разделять взгляды властителя. Поэтому антропогенная религия обычно не переживает своего создателя. В этом случае характерен пример М. Робеспьера, который в начале своей деятельности имел прозвище Неподкупный, что свидетельствовало о глубокой нравственно-психологической убежденности в правильности проводимого курса. Ближе к завершению его деятельности Робеспьера стали называть Кровавым, что, с одной стороны, указывает на кризис в проводимых реформах, а с другой – на отсутствие желания прислушаться к мнению общества. Более того, во всех трёх рассмотренных нами случаях наследие нового культа уничтожается именно бывшими помощниками реформатора из числа военных, то есть людей, не склонных к духовным поискам. В-третьих, «рукотворные» религии во всех описываемых нами случаях нетерпимы к конкурентам, хотя бы официально их создатели и не выступали против плюрализма (фараон Эхнатон запрещал старые культы, но позиция императора Юлиана и диктатора Робеспьера внешне была достаточно толерантной).

Таким образом, подводя итог нашего исследования, мы утверждаем, что создание религии для достижения светских целей, хотя бы и самых благородных, представляет собой бесперспективное мероприятие, лишённое будущего и обречённое на фиаско с самого начала. Ведь оно является изменой абсолюту во имя достижения сиюминутных мирских целей.

Список литературы

1. **Домнич М. Я.** Великая французская буржуазная революция и католическая церковь. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 195 с.
2. **Иллюстрированная история религий** / авт.-сост. Д. П. Шантепи де ля Соссей. М.: Эксмо, 2008. 592 с.
3. **Ковалёв С. И.** История Рима. М.: АСТ, 2006. 864 с.
4. **Олар А.** Культ Разума и культ Верховного Существа во время Французской революции. Л.: Сеятель, 1925. 235 с.
5. **Пивоваров Д. В.** Философия религии. М.: Академический проект, 2006. 640 с.
6. **Эрман А.** Государство, армия и общество Древнего Египта. М.: Центрполиграф, 2008. 304 с.

ANTHROPOGENIC RELIGIONS

Stanislav Igorevich Sulimov
Department of Philosophy
Voronezh State University of Engineering Technologies
sta-sulimov@ya.ru

Roman Aleksandrovich Cherenkov, Ph. D. in History
Department of Political Science History
Voronezh State University of Engineering Technologies
marselles2006@mail.ru

The authors consider the state authorities' attempts to create the religion according to political interests and analyzing historical material (the religious reform of Pharaoh Akhenaten, pagan "church" creation by Emperor Julian the Apostate and the Supreme Being cult in revolutionary France) come to the conclusion that the religions created by secular authorities are doomed to quick extinction as soon as the state support disappears.

Key words and phrases: anthropogenic religion; Church; absolute; cult; religious reform.